

УДК930.27(470.67)

**ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
КЕЛЕБСКОГО УЩЕЛЬЯ XV–XVIII ВВ.**

Ш.М. Хапизов,
М.Г. Шехмагомедов

Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

shehmagomedov.magomed@yandex.ru.

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию эпитафических памятников Келебского ущелья (ныне южная часть Шамилского района РД). Они являются важным источником по антропонимии, поскольку в эпитафиях зафиксированы во многом исконные имена личные, которые с углублением исламизации населения стали уступать свое место арабским антропонимам. Эпиграфика XV–XVI вв. является зачастую единственным источником, характеризующим процесс исламизации данного региона. Также надписи сообщают важную информацию об общественно-политической ситуации в Нагорном Дагестане в XVII–XVIII вв.

Abstract: The article deals with the study of epigraphic monuments of Keleb Gorge (now the southern part of Shamilsky district of Dagestan). They are important sources of anthroponomy because epitaphs contain mainly original personal names which during the process of deepening of Islamization of the population gave way to the Arabic anthroponyms. Epigraphy of the 15th–16th centuries is often the only source that characterizes the process of Islamization of the region. The inscriptions also provide important information about the socio-political situation in Mountainous Dagestan in the 17th–18th centuries.

Ключевые слова: Келеб, эпиграфика, антропонимия, исламизация, Аварское нуцальство, синойкизм.

Keywords: Keleb, epigraphy, anthroponomy, Islamization, Avar Khanate, synoecism.

Во многих микрорегионах Дагестана эпитафические памятники являются одним из ключевых источников по истории средних веков, их исследование позволит пролить свет на многие неизвестные стороны и периоды из прошлого этих селений и обществ. Одним из таких микрорегионов, на наш взгляд, является Келебское ущелье, общества которого вплоть до 1840-х гг., после вхождения его в состав имамата, являлись самостоятельным бо («союзом сельских обществ»). Оно имело свои законы, а также органы власти, несмотря на вхождение его в состав Аварского нуцальства на конфедеративных началах (*Хрисанф*, 1828. С. 273). Мы не имеем практически никаких источников по прошлому Келеба до XIX в., что является «белым пятном» в средневековой истории данного микрорегиона. В целях восполнения имеющегося пробела авторы в сентябре 2015 г. предприняли исследовательскую поездку в некоторые селения Келеба. Нашей целью являлось исследование средневековых арабоязычных эпитафических памятников.

Наше внимание, главным образом, было уделено наиболее крупному селению, являющемуся центром Келеба, – Ругельда. Опираясь на информацию местных старожилов, мы убедились в наличии средневекового мусульманского кладбища на хуторе *Гьадахъ* (вероятно, от авар. *Гадахъ* – «у головы», т.е. наверху), расположенном в 2 км выше, т.е. к северу от с. Ругельда. Здесь, согласно устной традиции, располагалось одно из тухумных поселений, жители которого переселились после принятия ислама в с. Ругельда. Исследование территории кладбища, отчасти заросшего кустарником, показало, что здесь действительно имелось средневековое, по крайней мере, частично мусульманское кладбище. Нами были обнаружены три надмогильные плиты с арабоязычными надписями, из которых только на одной полностью сохранилась эпитафия. На

двух других удалось прочесть слово «смерть» (ал-мавт), что, по всей видимости, является частью шаблонной записи («смерть – истина, а жизнь – обман»), предвещающей информативную часть эпитафии.

Полностью сохранилась следующая надпись, состоящая из 4 строк: «Смерть – истина, а жизнь – обман. Это могила Белека, сына Шалава». Эти имена, хотя и редко, но встречаются в аварской антропонимии (Шалав (*Расулов М.*, 2008. С. 507), Белкилав (*Магомедов А.*, 2000. С. 408), т.е. «сын Белека»), местном фольклоре (*Белекилав* и *Гачура* – имена мужа и жены запечатленные в памяти ругельдинцев как неразлучные супруги и ставшие именем нарицательным, которым обозначают закадычных друзей или спутников) и топонимии (название ругельдинского хутора *Белекида* – «у Белека»). Относительно вопроса датировки эпитафии следует отметить, что надпись выполнена грубо и с нарушением норм арабской грамматики. Очевидно, что мастер, выбивший надпись на каменной плите, слабо владел арабским языком. Отсутствие исламских имен также говорит о том, что погребённый, по всей видимости, принял ислам в сознательном возрасте либо был мусульманином во 2-м колене, но никак не ранее. Учитывая, что исламизация Гидатля произошла в 1475 г. (*Хатизов Ш.*, 2012. С. 208), логично предположить относительную синхронность этого процесса и в соседнем ущелье. Таким образом, данное захоронение, вероятно, следует отнести к концу XV в. Подтверждает нашу гипотезу и использование формулы «смерть – истина, а жизнь – обман». Подобная фраза, предвещающая информативную часть надписи, встречается в дагестанской арабоязычной эпиграфике конца XV–XVI вв. (1492–93; 1531–32 г.; 1625–26 г.) (*Шихсаидов А.Р.*, 1984. С. 260, 276, 278). Она же является шаблонным вступлением к эпитафиям, встречаемым на средневековом кладбище поселения Чолода, которое функционировало в XV–XVI вв.

Интересно, что в 2 км к северу от хутора *Гьадахъ* имеются развалины под названием *Гьатланыхъ* (авар. – «у часовни»), что говорит о наличии в прошлом в Келеб христианского храма.

Касаюсь распространения ислама в Келебе, отметим, что в местности *МутIал гохI*, в 0,5 км к юго-востоку от сел. Ругельда имеется зиярат местного проповедника ислама. На плите есть такая надпись: «... – обман. Это могила ГантIули, сына Адаша» (возможно, следует читать как «Адач»). Вследствие того, что верх плиты отбит, потеряно и начало надписи. Впрочем, она легко восстанавливается, поскольку первое слово в сохранившейся части надписи («обман») является концом известной формулы. Таким образом, данную надпись, по аналогии с вышеуказанной, следует датировать концом XV в. Стоит отметить, что, согласно местной устной традиции, нижние селения Келеба приняли ислам благодаря миссионерской деятельности жителя приграничного с этим ущельем гидатлинского с. Чолода – Хаджи Удурата. Основная часть жителей Гидатля приняла ислам в 1475 г. (*Хатизов Ш.*, 2012. С. 208). Вероятно, аналогично можно датировать исламизацию большей части келебцев. Касательно сопротивления распространению новой религии в центральной и нижней части Келебского ущелья нет никакой информации, помимо наличия вышеуказанного зиярата.

В с. Сомода, расположенном в верховьях Келебского ущелья, нам удалось записать предание о проживании их предков на нескольких родовых хуторах, один из которых (нижний) был сожжен войском газиев, сформированным из жителей Гидатля и центрального селения Келеба – Ругельда. На месте нового квартала Сомода, по этой информации, имелось родовое поселение тухума *ТедуриIал* (авар. – «Федоровы»), которое и пало первой жертвой в ходе сопротивления процессу исламизации со стороны предков сомодинцев. В дальнейшем ТедуриIал поселились в Сомода вокруг выстроенной силами всего тухума и сохранившейся до наших дней башни *ТедуриIазул со* и вошли в состав тухума *Багьбагьулал*. В то же время, приблизительно в первой половине XVI в., была выстроена, согласно преданиям, другая башня в сел. Сомода – *Рекьасул со* (авар. – «башня Хромого»; в прошлом 6-этажная, ныне сохранились лишь три этажа), которая принадлежала тухуму *Гьендучал* (авар. – «живущие в замке»). При постройке обеих башен между строителями якобы было заключено пари, согласно которому, проигравшему мастеру отрубили руку. По итогам строительства башен своего рода комиссия решила, что *ТедуриIазул со* выстроена качественней и мастер, руководивший постройкой *Рекьасул со*, должен был лишиться руки. В итоге, однако, было решено, что негоже лишать человека средств к существованию, и ему отрубили лишь часть руки с двумя нижними пальцами. В память об этом на камне, находящемся на сомодинском годекане, было высечено изображение с двумя руками, у одной из которых отсечена часть с двумя пальцами. Таким образом, во время этапа окончательной исламизации Келебского бо в конце XV в. на месте одного из тухумных поселений Сомода путем подселения к ним жителей подобных же небольших поселений образовался относительно крупный населенный пункт, жители которого были представлены 4 родами (авар. *кьибил* – «корень»): *Гьендучал*, *МачIхьал*, *ОсохIал*, *Багьбагьулал*.

Возвращаясь к основной теме нашей статьи, отметим, что эпитафии с аналогичной предваряющей формулой («смерть – истина, а жизнь – обман»), а также с использованием традиционных аварских, а не арабских имен были обнаружены нами на старинном участке кладбища сел. Ругельда, известном как *Саламиа*.

1. «Смерть – истина, а жизнь – обман. Это могила Гаду, сына Тидури». Аварское имя *Гаду* (варианты – *Гади* (сел. Киргил, 1593 г.: *Айтберов Т.М., Ханизов Ш.М., 2011. С. 159*), *Гада*, *Гадалав*), имеется в корне слово *glad* – «голова» (см. например, *gladal nah* – «головной мозг») и обозначает предводителя. Тидури же есть перешедшая посредством грузин местная форма греческого имени Феодор.

2. «Смерть – истина, а жизнь – обман. Хозяин этой могилы – Ламаза, сын Йакбуфа». Обращает на себя внимание имя отца покойного, которое, скорее всего, является приспособленным под нормы аварского языка «христианским» именем Иаков, а не арабским именем Якуб, которое пишется по-иному. Также оригинально и имя «обладателя» эпитафии, которое, вероятно, также является адаптированным к авароязычной среде грузинским именем Рамаза, которое было распространено среди цорских аварцев (*Ханизов Ш.М., 2011. С. 87*).

3. «Жизнь – обман, но смерть постигнет («догонит») [каждого]. Это могила Мухаммада». Данная надмогильная плита с тыльной стороны украшена оригинальным петроглифом в виде солнца, от которого исходят лучи наподобие стрел. В этой эпитафии мы встречаем знакомую нам фразу «смерть – истина, а жизнь – обман» в оригинальной редакции.

4. «Смерть – истина, а жизнь – обман. Это могила Голава, сына Бадаша». Аварское имя *Голав* переводится как «молодой человек». Имя *Бадаш* есть одна из разновидностей аварского имени *Бада* (варианты – *Баду*, *Бадук*, *Бадав*, *Бадалав*, *Бадуз*). В аварском сел. Тлебел-уба Закатальского района имеется фамилия Бидишал (*Ханизов Ш.М., 2011. С. 131*). Стоит отметить, что данное имя до сих пор встречается среди келебцев.

5. «Хозяин этой могилы – Мазгар, сын ТIахIла». Имя Мазгар в значении «бронза» нередко встречается в аварской антропонимии. К примеру, в сел. Кусур в XVIII в. упоминается некий Мазгар, а ныне в этом н.п. имеется тухум *Мазгарал* (*Айтберов Т.М., Ханизов Ш.М., 2011. С. 149*). Также в сел. Ругельда встречается мужское имя *ТIахIла* (*ТIахIатов М., 2011. Гь. 42*), от которого происходит название одного из тухумов данного селения. Это имя, вероятно, есть фонетическая форма имени *ДахIалав* (*Микаилов Ш.И., 1959. С. 413*) в значении «пласковый».

6. «Это могила Мухаммада, который пал шахидом в Т.хI.н (вариант – Н.х.н)». Данная эпитафия написана с нарушениями норм грамматики и правописания арабского языка, но вместе с тем необычна ее структура. Начало эпитафии с первой строки переходит на шестую, последнюю строку, потом возвращается на вторую с дальнейшим переходом на четвертую и заканчивается в центре, т.е. в третьей строке. Кроме того, стоит отметить, что это единственная эпитафия XV–XVI вв. в Келебском ущелье, в которой имеется указание на то, что она посвящена павшему шахидом, правда, без указания обстоятельств гибели. Ввиду этого предположение о том, что он погиб при исламизации окрестных селений, нуждается в дополнительном подтверждении. Не удалось локализовать место его гибели. Вероятно, оно находится в Келебе или соседних ущельях, возможно, в Анкратле (ныне Тляртинский район).

7. «... дочь Чучум». Единственная надмогильная плита, установленная над могилой женщины на данном участке кладбища, на которой сохранилась эпитафия. Имя ее отца редко, но встречается в аварской антропонимии. К примеру, в с. Хуштада в XVII в. упоминается некий Чучу (*Бобровников В.О., 1999. С. 41*).

8. «Смерть – истина, а жизнь – обман. Это могила Али, сына МахIа».

9. «Смерть – истина, а жизнь – обман. Это могила праведника, сына Гьартава. О Мухаммад, о Али». Данная эпитафия высечена на очень крупном для надмогильной плиты каменном валуне квадратной формы (2,1×1,8 м). Обращает на себя внимание и расположение надписи в круговую, с расположением окончания («О Мухаммад, о Али») в центре плиты. Оригинален и сам почерк, в котором заметны элементы куфи (особенно при написании имени Али), переходящего к насху.

Там же, на кладбище Саламиа, находится строение (*зиярат*), в котором, по информации местного краеведа М. Далгатова, имеется 4 могилы шейхов, известных как Теруч, НахохIма, Пирбудаг и Умар (*ТIахIатов М., 2011. Гь. 177*). В результате нашего исследования данного зиярата были обнаружены две надмогильные плиты с эпитафиями и одна без надписи, четвертой плиты нам обнаружить не удалось, хотя место для четвертой могилы там есть. Таким образом, вполне возможно, что там имеется захоронение.

1. «Хозяин этой могилы – Пирбудаг».

2. «Покойный Умар, сын некоего (*фулан*). В году 1150 (начался 30.04.1737 г.)». По устной традиции, этот Умар был уроженцем далекого аварского селения и состоял учеником местного медресе, умер в Ругельде, где и был похоронен. Это обстоятельство объясняет тот факт, что в эпитафии не указано имя отца, которое, видимо, не было известно ругельдинцам, занимавшимся его похоронами.

Между этими двумя могилами есть без надписи на плите захоронение, которое устная традиция относит к некоему Теручу. С правого края имеется свободный участок, где, вероятно, захоронен вышеуказанный *НахохИма*.

Надпись, подобная вышеуказанным эпитафиям, с использованием формулы «смерть – истина, а жизнь – обман» имеется и в стене кладбищенской ограды с. Ругельда. В отличие от вышеуказанных надписей, эта эпитафия сделана не на надмогильной (*зани*), а на памятной (*назар*) плите. Впрочем, возможно, что эта надмогильная плита была расположена на обрыве – краю кладбища Саламиа, и при строительных работах, точнее, возведении стены вокруг кладбища, была найдена в земле и установлена в каменной ограде. Надпись на ней гласит: «Смерть – истина, а жизнь – обман. Это могила Ати, сына Белека. Да поселит их Аллах в центре рая».

Рядом с ней имеются еще несколько памятников, переводы эпитафий с которых мы приводим ниже:

1. «Погиб Ахмад, сын Мухаммада, сына Ахмада, в сражении с неверными шахидом. Да смилостивится над ними Аллах. В году 1215 (начался 24.05.1800 г.)».

2. «Шахид – Мухаммад, сын Пали-Вальандара». Данную плиту украшает схожий с вышеуказанной орнамент, что позволяет с учетом близости их расположения предположить, что они установлены в одно и то же время, т.е. в 1215 г.х. Дата, однако, в данной эпитафии не указана, да и сама надпись дефектна, поскольку плита сохранилась лишь частично.

3. «Хозяин этого камня – Мухаммад, сын Мама (текст точно не идентифицируется), истинный шахид, знаменитый воин, павший шахидом в сражении с неверными в 1215 г.х. (начался 24.05.1800 г.)».

4. «Хозяин этого камня Мухаммад-Амин, сын Хатулава пал в сражении с неверными...». Расположение памятной плиты рядом с вышеуказанными, орнамент и почерк, которым написан текст эпитафии, свидетельствуют о том, что покойный Мухаммад-Амин также погиб в 1215 г.х., как и вышеназванные трое шахидов.

Скорее всего, все четверо погибших шахидов пали в одном сражении в 1215 г.х., который начался 24 мая 1800 г. В этом году было единственное крупное сражение с «неверными», т.е. с грузинско-русским войском, которое произошло на реке Иори у с. Какабети, расположенном в Кахетии (Восточной Грузии). Оно произошло 19 ноября (7 ноября по старому стилю) 1800 г., когда войско Ума-нуцала Великого понесло крупные потери в результате попадания под прямой артиллерийский обстрел картечью (*Ханизов Ш.М.*, 2013. С. 154–161). В нем, вероятнее всего, погибли и все четверо жителей с. Ругельда. В их честь односельчане перед въездом в селение в стене кладбища установили памятные плиты. Эта традиция установления памятных плит погибшим на чужбине сельчанам характерна для большинства аварских селений Нагорного Дагестана, по крайней мере, с XVII в. (*Шехмагомедов М.Г.*, *Ханизов Ш.М.*, *Маламагомедов Д.М.*, 2015. С. 28–31, 22–228).

В самом сел. Ругельда из эпиграфических надписей интерес представляет лишь следующая – «*Построил эту стену – Умар, сын Мухаммада, сына ДухИча-Пали и автор строк Набхи? Умар, да простит Аллах их грехи. В году 1226 (начался 25.01.1811 г.)*». Данный дом находится в квартале ГьентIа бакI (авар. – «у замка место») и принадлежит фамилии *МагIазилал* тухума *АнчIал**[*Информация Хадижат Магомедалиевой, 1940 г.р.].

Обнаруженные нами образцы эпиграфики XV–XVIII вв. являются важным источником для установления исконно аварских собственных имён, которые с распространением ислама стали постепенно забываться, находя себе замену в лице арабских имен, воспринимавшихся в качестве «исламских». Вместе с тем, они являются документальным свидетельством процесса синойкизма или объединения жителей нескольких тухумных поселений в единое, более крупное.

К примеру, из-за нападений гидатлинцев (*гьидрал*) на келебские хутора жители последних решили объединиться и создать в одном укрепленном месте другое поселение. Таким удобным местом, куда не доходили скатываемые сверху камни (*гьарчал*) и бревна, оказалось именно Ругельда. Название нового поселения произошло от аварского *регъезе* (диал. келебс. *ругъуле*) – «объединяться, сливаться в единое целое». Ругельда образована следующими родами (авар. – *кьибил*): *АнчIал*, *ПахIлал* (сюда входят и *ХIагулал*), *Мирзалал*, *ГIалихIмадилал*. Рядом с хутором *Гьадахъ* предположительно располагался хутор Белекида. Отсюда из *ПахIлада* и *Гьендиб* переселились тухумы в Ругельда. Благодаря найденным эпиграфическим памятникам, мы можем утверждать, что процесс объединения в Келебе протекал на рубеже XV–XVI вв. и происходил на

базе одного из существующих поселений, куда переселялись жители других небольших или слабо защищенных населенных пунктов.

Эпиграфика конца XV в. позволяет нам уточнить датировку и ход процесса исламизации Келебского бо, проходившей в целом синхронно с соседним Гидатлинским бо и имевшей преимущественно мирный характер. И лишь при распространении новой религии в верховьях Келеба была применена вооруженная сила.

Памятники рубежа XVIII–XIX вв., установленные на въезде в сел. Ругельда, свидетельствуют, что келебцы вплоть до вхождения в состав государства имапат имели тесные взаимоотношения с аварскими нуцалами. Последних, как было указано выше, келебцы признавали военными предводителями и довольно часто делегировали их уполномоченных для переговоров с представителями иноземных государств. Таким образом, в эпиграфических памятниках начала XIX в. находят свое подтверждение сведения о вхождении Келеба в состав Аварского нуцальства на конфедеративных началах.

ЛИТЕРАТУРА

Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М. Елису и Горный магал в XII–XIX вв. (очерки истории и ономастики). Махачкала, 2011. – 390 с.

Бобровников В.О. Новые эпиграфические данные по истории ислама в Северо-западном Дагестане // Дагестанский лингвистический сборник. М., 1999. Вып. 6. С. 29–47.

Магомедов А. Чародинцы: прошлое, настоящее, будущее. Махачкала, 2000. – 506 с.

Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М.-Л., 1959. – 511 с.

Расулов М. Гумбет и гумбетовцы. Махачкала, 2008. – 528 с.

ТалхIатов М. Къелдерил тарих. МахIачхъала, 2011. – 312 гъ. (на авар. яз.).

Хапизов Ш.М. Поселения Джарского общества (историко-географическое и этнографическое описание микрорегиона в Восточном Закавказье). Махачкала, 2011. – 272 с.

Хапизов Ш. Исламизация южной части горной Аварии (по данным местных арабоязычных источников) // Историография и источниковедение Средневекового Востока. Материалы международного научного симпозиума, посвященного 90-летию действительного члена Национальной академии наук Азербайджана, Героя Советского Союза Зии Мусы оглы Буниятова (Баку, 7–8 мая 2012 г.). Баку, 2012. С. 208–211.

Хапизов Ш.М. Ума-нуцал (Умахан) Великий (очерк истории Аварского нуцальства второй половины XVIII в.). Махачкала, 2013. – 216 с.

Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. XVIII–XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958. С. 265–275.

Шехмагомедов М.Г., Хапизов Ш.М., Маламагомедов Д.М. Тленсерух в конце XVIII – XIX вв.: Историко-документальное исследование (на основе изучения материалов коллекции Усман-дибира ал-Ири). Махачкала, 2015. – 378 с.

Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984. – 462 с.